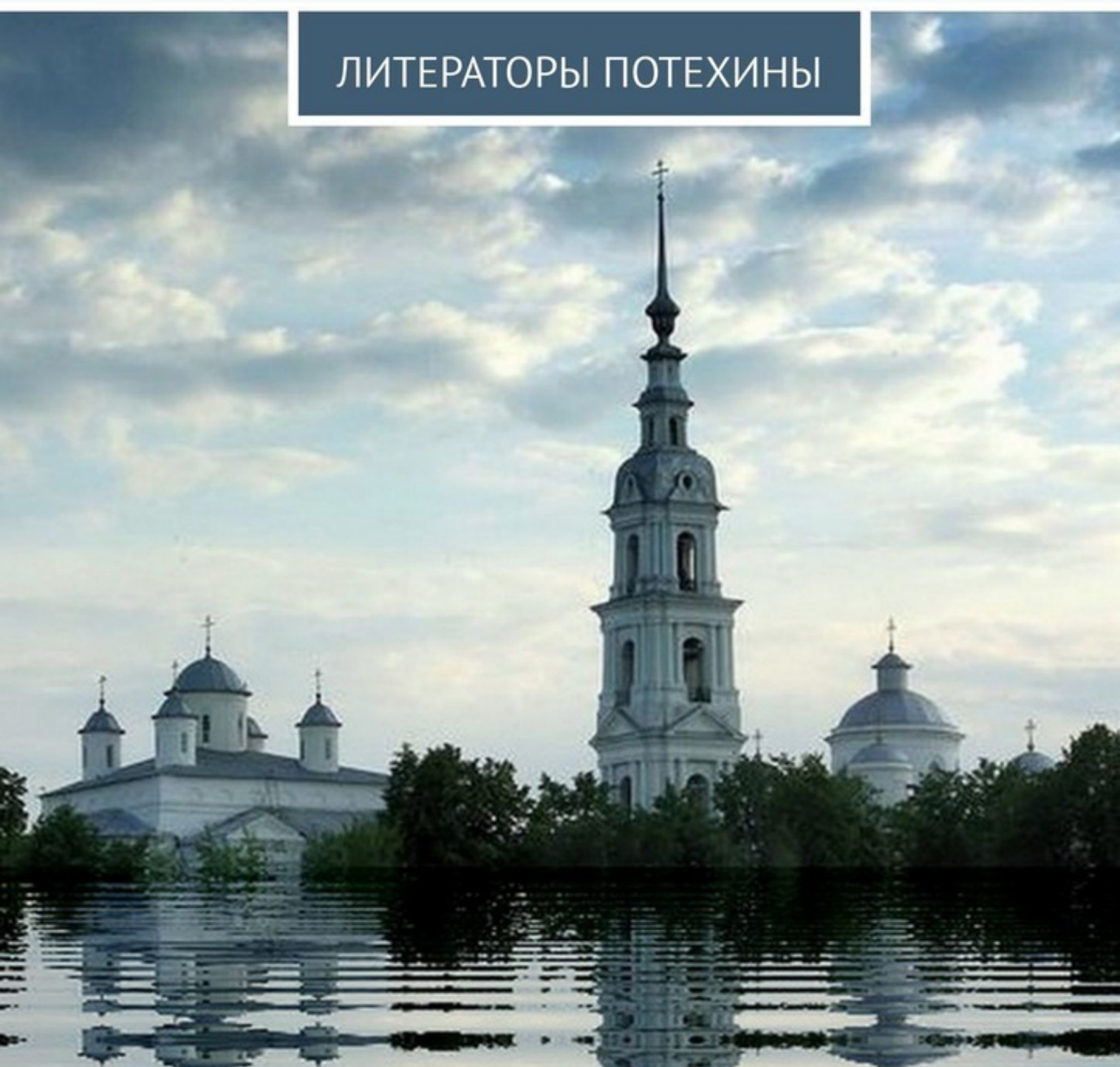

ЕЛЕНА ПОТЕХИНА

Земля Кинешемская

ЛИТЕРАТОРЫ ПОТЕХИНЫ

Елена Потехина

**Земля Кинешемская.
Литераторы Потехины**

«Издательские решения»

Потехина Е.

Земля Кинешемская. Литераторы Потехины / Е. Потехина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962783-4

Кинешма — удивительный по своей красоте волжский город с богатой историей и старинными традициями. Здесь много талантливых художников, музыкантов, поэтов и писателей. Много забытых и много неоткрытых новых имен.

ISBN 978-5-44-962783-4

© Потехина Е.
© Издательские решения

Содержание

Алексей Антипович Потехин	6
Возрождая имя А.А.Потехина	7
Родословная Потехиных	11
Учеба в гимназии и лицее. Учителя и наставники	13
Становление писателя. Кинешма и Волга в творчестве	14
А. А. Потехина	
В кругу московских литераторов	18
Ученик и соперник Островского, создатель «мужицких» драм	20
Письма из провинции. Переписка А. А. Потехина	26
и М. П. Погодина	
Петербургский период жизни и творчества А. А. Потехина	33
Театральная и общественная деятельность А. А. Потехина.	35
Конфликт с Островским	
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Земля Кинешемская Литераторы Потехины

Елена Потехина

© Елена Потехина, 2019

ISBN 978-5-4496-2783-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алексей Антипович Потехин

Возрождая имя А.А.Потехина

В 2019 год – год 190 лет со дня рождения писателя-беллетриста, драматурга, почетного академика изящной словесности, начальника репертуарной части Императорских театров Потехина Алексея Антиповича.

Так и хочется сказать «известного». Но нет... Автор 12 пьес, бытописатель, краевед, ученик и последователь Островского незаслуженно забыт современниками.

А зря. Его пьесы о произволе чиновников, падении нравов, развале деревни, о власти денег актуальны до сих пор.

Изучая творческую биографию А. А. Потехина, поражаешься многогранности его таланта, творческой плодовитости и глубокими знаниями народной жизни.

Ученик К. Ушинского, А. А. Потехин родился и вырос на Волге, участвовал в литературно-этнографических экспедициях и исследовал Поволжье вместе с другими писателями. Любовью к Волге и Кинешме пронизаны его очерки – «Путь по Волге», «Уездный городок Кинешма», «Забавы и удовольствия в городке», а также «Из неоконченного романа».

Печатаясь в «Современнике», писатель сдружился с Н. А. Некрасовым. Большой интерес к его творчеству проявлял Л. Н. Толстой.

В своих «мужицких драмах» А. А. Потехин решал нравственные проблемы, противопоставлял городской цивилизации крестьянский мир, широко использовал в своем творчестве фольклорные мотивы. Драматург принимал активное участие в театральных реформах. С 1881г. он был начальником репертуарной части Императорских театров, с 1882 по 1890г.г. – управляющим труппой Александринского театра. В 1900г. Российская Академия Наук избрала Алексея Антиповича почетным академиком по разряду изящной словесности.

Сочинения А. А. Потехина вышли в 12 томах в 1873—1874г.г. (еще при жизни писателя).

То, что некоторые его произведения пробыли под запретом 12- 15 лет, говорит о многом. Более того, брат драматурга Николай Антипович Потехин за связь с Герценом и Огаревым сидел в крепости.

В последние годы своей жизни писатель тяжело болел. Скончался А. А. Потехин в Петербурге и был погребен на Никольском кладбище в Александро-Невской Лавре.

После смерти драматурга его произведения были забыты. Последняя премьера его пьесы «Нищие духом» состоялась на костромской сцене в предреволюционные дни семнадцатого года.

Писателя миновал ореол «мученика-эмигранта», поскольку он умер до революции. Однако сколь высоко оценивали его творчество современники!

Подробной биографии А.А.Потехина до сих пор не было издано. Поэтому материалы об этом удивительном человеке приходилось собирать буквально по крупицам.

Творческой группой сотрудников Кинешемской городской централизованной библиотечной системы была разработана программа сохранения культурного и литературного наследия Потехина А. А. «Потехин А. А. – летописец Верхней Волги». В ходе реализации программы удалось буквально всколыхнуть общественность города.

В Кинешемской газете «Приволжская правда» были опубликованы прозаические сочинения писателя о Кинешме.

Теме «А. А. Потехин – современник А. Н. Островского» была посвящена третья региональная писательская конференция «Писатели Поволжья на земле А. Н. Островского», прошедшая в Кинешме в 2008г.

На радио «Кинешма» прошли чтения глав романа А. А. Потехина «Около денег» в исполнении художественного руководителя Кинешемского ТЮЗ им. Раскатова – В.А.Баландина.

На сцене Решемского народного театра была поставлена пьеса «Брак по страсти».

13 ноября 2008 г. в центральной библиотеке им В. А. Пазухина прошли первые Потехинские литературно-краеведческие чтения, приуроченные к 100-летию со дня смерти писателя.

Среди выступающих были профессора, кандидаты наук и студенты Ивановского государственного университета, сотрудники Кинешемского художественно-исторического музея, Кинешемской городской централизованной библиотечной системы, краеведы.

Были представлены самые разные темы докладов: «А. А. Потехин – известный и забытый», «А. А. Потехин и М. П. Погодин», «Тема родительского проклятия в драматургии А. А. Потехина», «Тема греха в творчестве Потехина».

Много слов благодарности было высказано участниками чтений в адрес супругов Синельниковых – Дарьи Ивановны и Владимира Евгеньевича – инициаторов организации и проведения Потехинских чтений на Кинешемской земле. Эти пожилые москвичи неутомимы в своих исследованиях, ездят по России в поисках новых материалов о писателе, а также ведут переговоры о постановке в Москве пьес А. А. Потехина.

Но самыми яркими и плодотворными стали третьи Потехинские чтения. Они состоялись 25 ноября 2011 года в Центральной библиотеке имени В. А. Пазухина. Участники представляли такие города, как: Москва, Санкт-Петербург, Иваново, Юрьевц, Заволжск, Шуя и Кинешма.

В рамках работы Чтений участники познакомились с краеведческими выставками центральной библиотеки, которые были посвящены местам, связанным с именем А. А. Потехина.

На Чтениях выступили с докладами :

– Е. А. Потехина – директор Кинешемской городской централизованной библиотечной системы, «История возникновения Потехинских Чтений», автор-составитель книги «А. А. Потехин и Кинешма».

– В. Е. Синельников – кандидат медицинских наук, краевед (г. Москва), «Как я пришёл к Потехину».

– Алексей Георгиевич и Владимир Георгиевич Потехины, прямые потомки А. А. Потехина (г. Санкт-Петербург), «Работа с семейными архивами». В прошлом – офицеры военно-морского флота России, они в течение многих лет занимались не только глубоким изучением и систематизацией семейных историй, воспоминаний, они создали настоящий частный музей, в котором представлены личные вещи, уникальные фотографии, документы, картины и рисунки из наследия семьи Потехиных. В 2013 году в Санкт-Петербурге они издали книгу «К истории рода Потехиных из Кинешмы», где поместили репродукции картин и литературные произведения своего деда (внука Алексея Антиповича Потехина – Владимира Николаевича Потехина).

Третьи Потехинские чтения г. Кинешма

– Л. Н. Титова – главный библиотекарь отдела краеведения Ивановской областной библиотеки для детей и юношества (г. Иваново), «Кинешма на литературной карте Ивановской области».

– И. А. Лебедев – главный редактор газеты «Приволжская правда» (г. Кинешма), «Внук писателя в дневнике кинешемца Н. И. Низова». С этим докладом связана очень интересная история, после публикации заметки о посещении Кинешмы потомками А. А. Потехина, в редакцию позвонила жительница города Г. С. Калинина. Она сообщила о том, что в её коллекции находится картина Владимира Николаевича Потехина, внука драматурга, и дневник Николая Низова, в котором сохранились воспоминания об удивительном обаянии самого художника, его домашней художественной студии и его учениках.

– И. И. Бабанова – директор Кинешемского художественно-исторического музея (г. Кинешма), «Имя А. А. Потехина в коллекции изобразительного искусства Кинешемского художественно-исторического музея». На время доклада кафедра Чтений превратилась в площадку художественной выставки, на которой экспонировались картины из основного фондового собрания Кинешемского музея: портреты Петра Петровича и Анны Фёдоровны Кондратьевых, родителей супруги А. А. Потехина, картины художника В. Н. Потехина и коллекция полотен Л. М. Чернова-Плесского, ученика Владимира Николаевича Потехина.

– О. В. Владимова, методист Кинешемской городской библиотечной системы (г. Кинешма), «К вопросу о родственных связях и круге общения семьи Потехиных». Вниманию участников были представлены исследования генеалогического древа рода Потехиных с XVIII века, и обозначен вектор дальнейшей работы в этом направлении.

– В. А. Щукина – заведующая музеем истории драматического театра имени А. Н. Островского (г. Кинешма), «Драматург, брат драматурга – Н. А. Потехин». Рассказ о жизни и подлинно разностороннем таланте Николая Антиповича Потехина как будто вернул слушателей в дореволюционную Россию, на сценах которой шли потехинские пьесы, демократические образы которых формировали новое поколение гражданского патриотизма.

– В. А. Баландин – главный режиссер театра юного зрителя имени народного артиста СССР Л. В. Раскатова (г. Кинешма), «Урок Потехина». Он выступил вместе со своими студийцами, проведя аналогии между Потехиным и Толстым, Потехиным и Гоголем, буквально изумляя аудиторию актуальностью и глубиной восприятия драматизма творчества Алексея Антиповича. В. А. Баландин в своём выступлении расставил именно те акценты, которые были обозначены в ходе Потехинских Чтений, раскрыл А. А. Потехина на уровне должного восприятия, как автора гениальной драматургии, время которой пришло.

Дорогими гостями Чтений стали уже полюбившиеся в Кинешме актёры театра книги «Корноватка» Ивановской библиотеки для детей и юношества (г. Иваново) – Ольга Леонардовна и Александра Шишкины с постановкой отрывка из пьесы А. А. Потехина «Суд людской – не Божий».

Отдельного внимания заслуживает внеплановое выступление внучатого племянника Антона Степановича Аренского-Кондратьева Павла Андреевича, пианиста, композитора, президента фонда им. А. С. Аренского (г. Москва). Сам А. С. Аренский – из рода Потехиных, его мать – родная сестра А. А. Потехина.

Так, в день Чтений в центральной библиотеке г. Кинешмы впервые встретились потомки разных ветвей рода Потехиных. В заключение Павел Андреевич исполнил этюд А. С. Аренского, который является семейной реликвией. Это произведение Антон Аренский исполнял на слух, и вот уже более ста лет из поколения в поколение талантливых пианистов Аренских-Кондратьевых мелодия переходит от отца к сыну как наследие и память о великом предке.

В 2016 г. в Кинешме произошло другое знаковое событие. После столетнего забвения впервые на большую сцену вернули произведение А. А. Потехина. В Кинешемском драматическом театре им. А. Н. Островского была поставлена пьеса «Брак по страсти».

Театральная афиша г. Кинешма 2016 г.

Родословная Потехиных

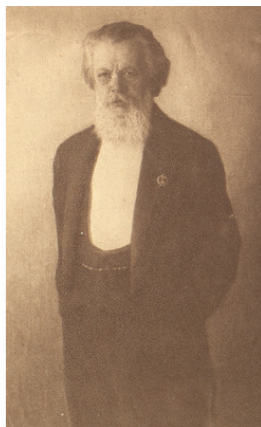
Семейное фото Потехиных (А. А. Потехин в центре)

Алексей Антипович Потехин родился в городе Кинешма Костромской губернии (ныне Ивановская область) 1 (14) июля 1829 года в старинной дворянской семье, весьма многочисленной и богато наделенной талантами. В метрических книгах Кинешемской Благовещенской церкви за 1829 г. значится актовая запись №8:

«1 июля у Кинешемского уездного казначея титулярного советника Антипы Макарова Потехина от жены его Анфисы Алексеевой родился сын Алексей.

Крещен десятого. Восприемники: содержатель питейного кинешемского откупа, дворянин, титулярный советник Николай Степанов Карцев и помещицья жена, дворянка Варвара Николаева Яковлева».

Известно, что дед А. А. Потехина – Макар Федорович Потехин, подканцелярист воеводской канцелярии, имел троих сыновей: Антипа, Прокопия (коллежского асессора и кавалера, Кинешемского уездного стряпчего) и Бориса (титулярного советника).

Павел Антипович (брат А. А. Потехина)

Отец писателя, Антип Макарович Потехин 1782 года рождения, являлся кавалером орденов Св. Станислава 3 степени (1837г.) и Св. Владимира 4 степени (1838г.), жил в Кинешме, владел имением в д. Долгово Кинешемского уезда; служил Кинешемским уездным казначеем и коллежским асессором. Он имел 11 детей: старший сын Петр (г.р. не известен) был лекарем; Алексей (1829 г.р.); Владимир (1831 г.р.) и Константин (1832 г.р.) – обучались в Императорском Московском Университете; Николай (1834 г.р.) – писатель-драматург, актер, режиссер,

антрепренер, театральный критик; Леонид (1837 г.р.) и Павел (1839 г.р.), как и Николай, обучались в Костромской губернской гимназии (Павел стал адвокатом); Анатолий (1847 г.р.) стал врачом; Людмила (1825 г.р.); Надежда (1833 г.р.); Софья (1841 г.р.).

Учеба в гимназии и лицее. Учителя и наставники

Учился А. А. Потехин в Костромской гимназии, где его наставником стал удивительный человек, преподаватель русской истории, словесности и географии Пермьяков. Пермьяков был пламенным поклонником Белинского, прочих светил литературы 40-х годов, энтузиастом своего дела. Пользовался большим уважением у своих учеников и оказывал огромное влияние на их становление, кругозор, вкусы.

Здесь же Алексей сблизился с С. В. Максимовым, будущим автором таких уникальных книг, как «Лесная глушь», «Бродячая Русь», «Сибирь и каторга». Потехин, будучи старше, руководил чтением Максимова, снабжал его книгами.

В 1846 году А. А. Потехин стал студентом Ярославского Демидовского лицея, где на должности и.о. профессора камеральных наук состоял Константин Дмитриевич Ушинский. Многие во взгляде А. А. Потехина на русского человека, его природу сложилось под влиянием К. Д. Ушинского. Идеи Ушинского, как добрые семена, падали на подготовленную почву детской и юношеской любви к родному волжскому краю. Общение молодого профессора со своими учениками не ограничивалось лекциями. Педагог вовлекал студентов и в научную деятельность. За 1847—1848 учебный год Совет лицея присудил две золотые медали за студенческие работы, выполненные под руководством Ушинского. Одним из медалистов стал А. А. Потехин. Под руководством молодого профессора им были выполнены две обстоятельные научные работы: «Образование присутственных мест при Петре Великом» (отмечена золотой медалью) и «Опека и попечительство».

К. Д. Ушинский

В своих газетных статьях 1848 года Ушинский описывает озерную и болотную Волгу («Ярославские губернские ведомости»). А позднее в учебной книге «Детский мир. Хрестоматия» Ушинский публикует очерк «Путешествие по Волге», где рассказывает юному читателю о том, какую роль играет великая река в жизни России и русского народа.

А. Потехин прочно усвоил главный урок своего учителя – нужно изучать, исследовать родной край, описывать его, поскольку в русской литературе мало «путешествий», а читающая публика не знает не только окраин своей огромной Родины, но и русской равнины. Поэтому еще со студенческой скамьи Алексей Антипович начал знакомство с родным краем, избородив пешком всю Костромскую губернию.

Со своим краем А. А. Потехин был связан в большей степени, чем А. Н. Островский. Живя подолгу в своем небогатом имении «Орехово», писатель сроднился с этими местами. Из-под его пера вылилось немало произведений, посвященных жизни края. В лучших крупных произведениях Потехина мы находим немало бытовых подробностей из прошлого нашего края: им описаны Тезинская и Бонячкинская фабрики, село Старая Вичуга и самые разнообразные Кинешемские и Юрьевецкие деревни, усадьбы и погосты.

Становление писателя. Кинешма и Волга в творчестве А. А. Потехина

Как было замечено выше, все творчество Потехина связано с родным краем. Первый его очерк «Путь по Волге» запечатлел юношеские наблюдения во время учебы в Демидовском лицее, когда студент Потехин совершал путешествие от Ярославля до Кинешмы. В этом дебютном произведении органично соединились документально-этнографические описания с поэтическими картинами-пейзажами, а также лирическими пассажами. Здесь Потехиным довольно живо зарисована волжская природа, судоходство середины XIX столетия, представлены типы волгарей-бурлаков, быт приволжских деревушек и многое другое. Гоголевский стиль описания великой реки делает это произведение немного пафосным, но в нем так много метких наблюдений и неподдельной любви и восторга Волгой. Написанный более ста лет назад, очерк А. А. Потехина и сегодня вызывает чувство восторга перед неизъяснимой красотой могучей Волги, перед силой и мужеством русских людей:

«Чудное зрелище представляет вам Волга, когда вы любуетесь на нее с высокого крутого ее берега: противоположный берег, видимый на огромное пространство, в одну общую картину сливает разнообразные виды, расположенные во всю длину его. Волга медленно и плавно течет под самыми вашими ногами, вдали сливаясь с горизонтом; тысячи разнообразных судов бороздят ее в разных направлениях, составляя с нею нечто целое, живущее одной жизнью, и мысль теряется в этом огромном видимом пространстве, и думаешь видеть перед собою чудо или обман зрения. Дивная, великолепная Волга, как не любить тебя!»

Многое в жизненных и художественных исканиях начинающего писателя, только что окончившего лицей, объясняет его письмо к родителям жены:

«Бесценные родители, Петр Петрович! Анна Федоровна! Прежде всего, позвольте мне принести Вам покорнейшую благодарность за именинный подарок: я получил его и надеюсь сшить себе нарядный халат.

Письмо Ваше, посланное с Кетовым, мы также имели удовольствие получить, но сам он не был у нас, потому что болел ревматизмом в ногах. Для того чтобы исполнить Ваше желание, добрая маменька, я ездил к нему и нашел в нем молодого человека вежливого, любезного, но, кажется, с большими претензиями на светскость и дендизм. Он занимает в Москве две маленькие, уютные комнатки с маленькой же, но хорошенькой прислужницей... Нас он еще не посещал.

Моя жизнь теперь несколько переменялась. Уставши переносить от Наз. тысячи неприятностей, которые он мне делал и чтобы избежать еще больших, я с позволения М., который, сказать, кстати, прислал мне самую нежную благодарность, решился рапортоваться больным впредь до получения другого места и вот уже целую неделю не хожу в контору и избегаю столкновений с моим гонителем.

Новое место предлагает мне М. и хоть не в Москве, но, по крайней мере, лучше настоящей моей должности. Зять М. – Зорин определен губернатором во Владимир на Клязьме; М. просил за меня, и мне предложено место помощника старшего секретаря во Владимирском губернском правлении. Должность эта в 9-м классе с жалованием 1200 р. асс. Я весьма благодарен за нее М., жалко только, что будет очень много дел и, что я должен буду жить во Владимире.

В настоящее время это для меня тем неприятнее, что, принявши участие в Московских Ведомостях, я пишу для них статьи, которые будут давать мне в месяц по крайней мере по 25 р. сер., если не более. Эти выгоды я должен буду непременно потерять. Потеря эта для меня чувствительна еще и потому, что я, вошедши в литературный мир, чувствую, что как будто родился для него, что деятельность этого мира слишком любезна для меня, чтобы снова расстаться.

Мои статьи о московской жизни помещены в №№ 116, 120, 123, 127, 132 и 133. Может быть, Вам не нравится, что я посвятил свое перо одному театру и тому подобным зрелищам, но характер нашей газеты таков, что не совсем охотно допускает в листы свои повести и легкие литературные рассказы. Впрочем, в скором времени, может быть, даже на этой неделе будет помещена статья о Волге, довольно большая, которая протянется, может быть, на несколько номеров Ведомостей. Задумываю я также в связи с этой статьей о Волге поместить другую о Кинешме: жалко только, что я не могу проверить теперь на месте некоторые свои воспоминания.

Хотя мне и совестно, но я решаюсь беспокоить Вас, неоцененный папенька, потрудитесь меня уведомить в нескольких словах, кто именно из купцов живет как бы отдельными усадьбами в стороне Кинешемского уезда, прилежащей к Вичуге и Голчихе, каким именно производством занимаются и на какую приблизительно сумму, а также куда они сбывают свои производства и как называются самые промышленные селения. Мне бы нужно было также знать, сколько человек рабочих на фабрике Фон-Менгдена и крепостные они его или наемные, на какую сумму простирается его производство и куда сбывается, а также откуда он выписывает пряжу и прочие материалы и за какую плату находятся на его фабрике рабочие.

Сделайте милость, не откажите мне в этих сведениях в столь можно скором времени, а также потрудитесь прислать, если это Вас не обременит «Взгляд на историю Костромы» кн. Козловского – мне она нужна для некоторых справок, а здесь я не мог отыскать этой книги.

Также потрудитесь уведомить, если можно, на какую сумму приблизительно простирается каждый год ярмарочный торг в Кинешме.

Простите меня, что я так бесстыдно беспокою Вас, бесценный родитель, но я надеюсь, что, во-первых, из любви к своей стороне, а, во-вторых, и для пользы ваших детей, Вы не откажитесь исполнить мою просьбу.

Я попрошу Вас также, если можно, когда-нибудь на свободе в нескольких словах, в нескольких чертах передать мне сюжеты тех анекдотов, где выражается так хорошо веселая, добрая, готовая на самопожертвование душа русского крестьянина. Вы когда-то мне изволили рассказывать их, но я позабыл, а теперь у меня явилось желание облечь эти анекдоты в хорошенькую форму рассказа и поместить в Московские Ведомости. Ради Бога и ради тех высоких душ, не откажитесь исполнить и эту мою просьбу. Но я отвлекся от своего первого рассказа. Перекрестившись, я изъявил согласие на новую должность и теперь жду ее, чтобы снова быть поближе к Вам.

Благословите и Вы меня, неоцененные. Будьте здоровы, покойны и не забывайте преданного Вам и покорного сына Вашего Алексея Потехина. Ради Бога, до времени не выдавайте моего секрета, что я хочу писать о Кинешме».

Присланные родителями материалы стали основой очерка «Уездный городок Кинешма» (1851) и своеобразным продолжением очерка «Путь по Волге»: в нем автор сосредоточивает внимание, главным образом, на географическом местоположении города, особенностях экономической жизни. Этнографический характер этого произведения Потехина диктовался к тому же политикой газеты «Московские ведомости», где оно было опубликовано.

Издание произведения «Забавы и удовольствия в городке» (1852) можно считать важным событием в жизни Потехина: очерк предстал перед читателями некрасовского «Современника». Так началось большое и плодотворное общение А. А. Потехина с Н. А. Некрасовым, которое продолжалось до самой смерти поэта и имело большое влияние на писателя, сблизило его с передовой и демократически настроенной интеллигенцией. Картина быта провинциального общества уездного городка в 40-х годах XIX века была написана живо, с юмором, что и отметил Апполон Григорьев, характеризуя манеру Потехина-рассказчика:

«Талант Потехина возбудил в нас большую симпатию уже и тогда, когда мы прочли „Забавы и удовольствия в городке“, нам было очень приятно заметить в этой статейке совер-

шенное отсутствие претензий и насмешливого тона, с которым обыкновенно смотрят наши современные писатели на русский провинциальный быт. Автор рассказа высказывает теплое сочувствие этому быту, смотрит без иронии на его увеселения, сам желает от души ему веселиться и приглашает читателей разделить с ним это желание <...> Но особенно сильно выступает талант Потехина в его рассказах из крестьянского быта. Не говорим о надеждах, которые мы возлагаем на талант Потехина, не говорим также о недостатках, свойственных всякому еще не установившемуся таланту. Дело в том, что в лице Потехина литература приобрела нового талантливую, честного и плодотворного деятеля».

Значительное место отведено описанию удовольствий и развлечений высшего круга – помещиков и чиновников, и незначительное – низшему. Тут мы встречаем тщательнейшие зарисовки танцевальных вечеров, «званных вечеров с закуской», святочных развлечений с ряжеными, различными обрядами, песнями и т. п. Писателя едва ли можно заподозрить в искусственности изображаемых сцен. Перед нами в живых картинах предстает незатейливое, довольно пустое и безалаберное времяпрепровождение «верхов общества» одного из больших уездных городов губернии.

Вид Волги с бульвара г. Кинешма

Волга со своей тихой величавостью, живописными картинами природы, ее городами заложила в душу будущего художника чувство глубокого преклонения, восхищения, крепкой связи с Родиной. Вот что говорит А. А. Потехин о Волге в своем автобиографическом произведении «Неоконченный роман»:

«Самые ранние детские впечатления его были о Волге и красивых окрестностях города. Он бессознательно, но страстно полюбил окружающую его природу, а особенно свою Волгу... видел и любовался ею, и в летнее время, когда она мирно и ласково несла на себе целые караваны вооруженных парусами судов, которые казались издали стадом больших белых птиц... или когда слышалась с этих судов тягучая песня бурлаков, которая почему-то трогала и щемила сердце. Восторгался он и трепетал от ужаса при виде мощи и силы во время бури, когда Волга сердилась и гневалась, вздымала и бросала белые разлетающиеся брызги волн, крутила и кидала, как щепки, большие суда...»

Художественно-этнографические изыскания Потехина были продолжены после Крымской войны, когда по инициативе правительства начались масштабные исследования бассейнов крупных рек. В 1856 году А. А. Потехин принял участие в известной литературно-этнографической экспедиции, снаряженной по инициативе Великого Князя Константина Николаевича. Он исследовал Поволжье (а также и другие приречные и приозерные местности) и быт его берегового населения вместе с другими писателями – Писемским, Островским, Максимовым, Михайловым, Афанасьевым-Чужбинским.

В эту экспедицию Потехин был приглашен по личному указанию Великого Князя, имевшего случай слышать его мастерское чтение своих произведений. При распределении мест-

ностей, описание которых было задачей экспедиции, Потехин взял на себя изучение средней Волги от устья Оки до Саратова. Так ему удалось выполнить существенную часть замысла К.Д.Ушинского: описать лесную и торговую (очерки «С Ветлуги», «Река Керженец»), пустынную и рыбную (очерк «Лов красной рыбы в Саратовской губернии») стороны великой реки.

В очерке «Река Керженец» А.А.Потехин показал Заволжье реалистично, натурально изображая быт и нравы местных крестьян. Рассказал о старинном обычае: втайне от всех, даже от домашних, ставить не перекрестках дорог деревянный крест как исполнение святого обета, подобного скрытому приношению в Божий Храм. Кресты или часовенки автор видел довольно часто в самых глухих местах.

Лесные раздолья вокруг верхней Волги овеяны легендами, беспрестанно притягивают впечатлительных любителей девственной природы таинственных дебрей, заброшенных старообрядческих скитов... А особенно влечет к себе дивный Керженец, в красноватых от мхов струях которого словно отражается зыбкими и смутными видениями старая Русь с темными ликами икон, мудреной вязью кириллицы, позеленевшими застешками рукописных книг, слюдянными решетчатыми оконцами, обомшелыми срубами да голубцами-кровельками на запрятанных у опушек кладбищах.

Ниже тут места, что некогда обживались Святым Макарием, основавшим на впадении Керженца в Волгу прославленный монастырь, недалеко на восток – озеро Светлояр с затонувшим чудо-градом Китежем. А.А.Потехин отмечал:

«Столичный или степной житель с трудом представит себе и поймет ту глушь и дичь, которая царствует в здешних лесах теперь, в настоящее время, когда постоянная рубка и пожары сильно разрешили прежние непроходимые лесные чащи, привольные места для медведей, оленей, раскольников и делателей фальшивой монеты, давших самому Семенову свою особенную местную поговорку: «Хорош город Семенов, да в нем денежка мягка!»

Верхнее Поволжье как исконное гнездо старой, «кондовой» Руси, дольше других русских областей сохраняло и еще продолжает сохранять старинные, вековые уклады народного быта, впечатления которого воспринимаются и действуют здесь с особенной силой и, будучи восприняты в действии, остаются на всю жизнь.

Сын писателя Валерий Алексеевич вспоминал:

«Еще со студенческой скамьи Алексей Антипович начал свое знакомство с родным краем, избродив пешком всю Костромскую губернию, затем также подробно ознакомился с Волгой на всем протяжении. Впоследствии ему пришлось побывать и пожить во многих местах центральной России <...> За исключением немногих этнографических очерков отца, которые были связаны со специальной командировкой его морским ведомством, все остальные его произведения (исключая пьесы из московской жизни) навеяны ему жизнью и природой... которые он мог наблюдать и изучать. <...> Первая половина его творчества относится к тому времени, когда он жил в усадьбе своих родителей на Волге, около города Кинешмы, а потому типы, образы и вся ситуация в повестях и романах, написанных им в этот период, почерпнуты из ближайшей окружающей среды...»

Убежденный реалист, Алексей Антипович, с особой симпатией относился к устоям народной жизни. И сам он был прежде всего природный русак, волжанин. Это ярко чувствовалось в его произведениях, да и в личной жизни – домашнем быту, привычках, наклонностях.

В кругу московских литераторов

А. П. Григорьев

В 1852 году А. Потехин сближается с «молодой редакцией» журнала «Москвитянин».

В своих воспоминаниях писатель об этом рассказывает: «Бывши в Москве, я познакомился и сошелся с кружком молодых людей, составлявших так называемую молодую редакцию „Москвитянина“. Это были Григорьев, Эдельсон, Филиппов и среди них, не как центр, но как предмет общего в то время поклонения, почти благоговейного обожания, А.Н.Островский. Я читал в этом кружке мои первые беллетристические опыты и мою первую драму... и был благосклонно и дружелюбно принят в их среду».

Выскажем предположение, что эта «благосклонность» определялась рекомендательным словом А. Ф. Писемского и успехами театральных и «московских» статей молодого провинциала в «Московских ведомостях». Статья Потехина «Несколько слов о бенефисе г. Шумского» стала первым опытом в этом роде. Затем, в течение года, почти в каждом номере появлялись рецензии, в которых он разбирал пьесы тогдашнего сезона и игру московских артистов: Ленского, Самарина, Леонидова, Щепкина. Он также вел отдел «Городская хроника», где публиковал очерковые зарисовки о московской жизни.

Первые беллетристические опыты Потехина – это «Тит Софронов Козонок» и «Бурмистр», повести из народного быта, замысел которых возник во время написания очерков о Волге. В письме к родителям Потехин просит присылать не только сведения о Кинешме и уезде, но и «сюжеты тех анекдотов, где выражается так хорошо весёлая, добрая, готовая на самопожертвование душа русского крестьянина...» поскольку у него «...явилось желание облечь эти анекдоты в хорошенькую форму рассказа». Это письмо свидетельствует также о поисках молодым писателем своего пути в литературе, своей темы. Изображение быта, нравов, а главное, «доброй, готовой на самопожертвование души русского крестьянина» принесло А. Потехину известность.

Повесть из народного быта «Тит Софронов Козонок» заслуживает внимания не только потому, что она была первым произведением Потехина в этом роде, тогда ещё совершенно новым в нашей литературе, но и потому, что в ней уже более или менее ясно сказывались главные особенности более поздних произведений писателя и его отношение к народу. Героем этого рассказа является сбившийся с пути дворовый, лентяй и пьяница. Рассчитывая что-нибудь раздобыть, он отправляется в уездный городок на ярмарку.

На дороге ему встречается молодой паренек, единственный внук зажиточного крестьянина, посланный дедом на ярмарку продать мед. Тит Софронов пристаёт к этому пареньку, насильно вваливается к нему в телегу, приезжает вместе с ним в город и там старается его спить, чтобы поживиться за его счёт. Когда же это не совсем удаётся, Тит, сговорившись с двумя такими же забуддыгами, как и он сам, подстерегает парня, уже успевшего продать мёд, на обратном пути и убивает его, чтобы ограбить. Но вид убитого приводит убийцу в ужас. Тит

без оглядки бежит домой, предоставляя своим товарищам возможность пользоваться плодами злого дела, и скоро сознаётся в своём преступлении. Дед убитого, богобоязненный мужик, прощает убийцу, и даже берёт к себе в дом его несчастную жену, а Тит, мучимый раскаянием, скоро умирает в остроге.

Таким образом, в этом первом рассказе Потехина из народного быта перед нами встают два типа людей, различные разновидности которых впоследствии нередко встречаются у нашего писателя. Это положительный тип мужика, крепкого, хозяйственного, богобоязненного и добросердечного, который умел переносить тяжелые жизненные испытания и при этом помогать другим стойко держаться против ударов судьбы. И отрицательный тип человека, лишенного прочных нравственных устоев, слабохарактерного, испорченного развращающим влиянием барской дворни или городской мастеровщины. Но и в этих отрицательных типах не совсем ещё погасла искра Божья: Она всё ещё теплится, до поры, до времени, где-то глубоко на дне их измызанной души, и в решительную минуту может ещё вспыхнуть ярким пламенем раскаяния и очищения...

Кроме того, в этом первом народном рассказе Потехина, как и во многих его поздних произведениях, довольно значительное место отведено чисто бытовому, этнографическому элементу, – поверьям, обычаям и т. п. (беседа баб о лихоманках и о разных способах лечения); автор дает здесь очень живое описание ярмарки в небольшом городке – описание, которое, собственно, в рассказе не составляет необходимой части, но придает ему бытовой интерес, а для того времени, когда оно было издано, стало, конечно, и новостью.

Ученик и соперник Островского, создатель «мужицких» драм

А.Н.Островский

Здесь, в Москве, под влиянием Островского созрело решение попробовать себя в роли драматурга. Обращение Потехина к жанру драмы не случайно. При бедности тогдашней литературы и при отсутствии общественной жизни, огромное значение для всех образованных людей имел театр: это было единственное место, где еще можно было отвести душу, в особенности благодаря превосходному составу московской труппы, которая своим исполнением заставляла забывать о бедности, а подчас и нелепости тогдашнего драматического репертуара.

Знаменитая фраза Белинского: «О, ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нем, если сможете!» более чем когда-нибудь, сохраняла свое значение в то время, когда на московской сцене играли Молчанов, Щепки, Садовский и их знаменитые товарищи. Театр произвел на молодого Потехина сильное впечатление. После одного спектакля-бенефиса Шумского он не мог удержаться, чтобы не послать в «Московские Ведомости» небольшую статейку об этом театральном событии. Статья была напечатана 27 сентября 1851г. И редакция предложила молодому театралу писать постоянные театральные рецензии. Таким образом, Потехин сделался литератором и получил возможность сблизиться с кружком своих собратий, бывших, как и он, горячими поклонниками театра.

В 1850 году А.А.Потехин поступил на службу к костромскому губернатору. Тут-то и состоялось его знакомство с А. Ф. Писемским. Алексей Феофилактович служил в это время в губернском правлении и уже приобрел довольно известное литературное имя. Писемский был человеком ироничным, склонным к скептицизму, беспощадным в приговорах и насмешках.

А. Ф. Писемский

«Ты, бесспорно, умен и берешь только умом, а таланта в тебе я не вижу», – со свойственной откровенностью говорил он Потехину. Однако относился к младшему коллеге с большой приязнью и всегда приветливо. Объединяло их как литературное дело, так и страстное увлечение сценическим искусством. Они не только считали обязательным посещать городской театр, но много играли в любительских спектаклях, пользуясь завидной популярностью у публики.

Об их игре в водевиле «Выдавали дочку замуж», сыгранном 14 января 1853 года, рецензент «Костромских губернских ведомостей» отзывался так: «Роль Кукушкина играл А. Ф. Писемский в особенности превосходно... он совершенно понимал свою роль и выдержал ее до конца... А.А.Потехин был очень хорош в роли Антона Васильевича Буланова, отверженного любовника. Мы искренне смеялись комической встрече его с Иваном Яковлевичем Кукушкиным. Антон Васильевич был потешно оригинален как в своих манерах, разговоре, страстной любви и упреках, которыми он осыпал Ивана Яковлевича, так и в своем костюме».

В драматической сцене «Тяжба» Н.В.Гоголя, представленной в тот же вечер, пальма первенства принадлежала А.А.Потехину.

«А.А.Потехин в роли секретаря Пролетова был бесподобен, и едва ли самый искусный актер мог бы лучше выполнить типическое лицо гоголевского чиновника», – отмечал очевидец. А вот Писемский в роли Бурдюкова хотя и был «очень хорош», но зрители «заметили в нем некоторую преувеличенность странности степного помещика».

Разыгранная в марте того же года «Женитьба» Н. В. Гоголя, участником которой являлся весь цвет костромской интеллигенции, (А.Ф.Писемский, А. А. Потехин, граф А. Д. Толстой, М. И. Готовцева, Е.М.Писемская, Н. П. Колюпанов и другие), так же вызвала восхищенные отзывы:

«...нельзя и опытному артисту вернее и лучше олицетворить этого нерешительного флегматика Подколесина, каким представил его Писемский, – писала губернская газета. – Хлопотун Кочкарев (граф Толстой) был преуморителен, и с таким искусством смешил публику он и моряк Жевакин (А.А.Потехин) в первом действии, что вся публика разразилась единодушным гомерическим хохотом».

Дружба А. А. Потехина с А. Ф. Писемским являлась одной из немногих отрад его костромского периода жизни. К созданию вокруг Потехина атмосферы безрадостности, подозрительности невольно приложил руку, выражаясь словами Островского, «преумнейшая голова, одна из тех голов, кои только и могла иметь Россия», а именно попечитель Московского учебного округа г-н Муравьев. Злые языки распускали о нем немало анекдотов, и довольно-таки язвительных. Будто бы ревностный попечитель просвещения, посетив однажды Университетскую библиотеку, взором императора окинул все шкафы и распорядился:

– Это что за беспорядок – поставьте книги в порядке: малые к малым, большие к большим. Да и на кой черт даете вы студентам книги из среднего шкапа. Пусть начинают брать с краев, небось ведь не перечитают всего.

Этого-то Валериана Николаевича Муравьева и перевели в Кострому губернатором, а тот, к несчастью, сделал Потехина чиновником по особым поручениям.

Костромское дворянство, возбужденное против губернатора его нелепо-солдатскими ухватками, одарило своею ненавистью и Потехина. Лишь благодаря настойчивому ходатайству Островского, с которым «затюканного» чиновника познакомил Писемский, Алексея Антиповича стали принимать в домах, закрытых для него дотоле по милости Муравьева.

Начали привечать Потехина и в первопрестольной, опять же с легкой руки Александра Николаевича, вокруг которого, по словам современника, «как планеты вокруг Солнца», объединялись тогда многие даровитые молодые писатели, художники, артисты: Иван Горбунов, Лев Мей, Сергей Максимов, Алексей Писемский, Павел Мельников-Печерский...

Члены «кружка Островского» считали русский быт «продуктом национального жизненного творчества», признавая его самобытным, красивым, оригинальным. Такую идею горячо

и восторженно поддерживала «молодая редакция» «Москвитянина», где Потехин появился в 1851 году, принеся не только свои первые беллетристические опыты, но отменное и тонкое знание провинциальной России, особенно крестьянства.

Благосклонно и дружелюбно принятый в их среду, Алексей Антипович тем не менее был настроен не очень оптимистично. Натянутые отношения с костромским дворянством, ранняя женитьба, бедность и житейские тяготы – все это угнетало Потехина, порождало чувство неуверенности: «Я служу и занимаюсь литературой только в свободные минуты, отказываясь ради этого даже от общественной жизни, – писал он из Костромы Погодину в 1852 году, – Пожертвовать службою ради литературы я не могу, потому что первая в известной мере обеспечивает меня в материальном отношении, а на поприще последней я еще новичок, ничем не обеспеченный в будущем: ни материальными средствами, ни известностью и пониманием публики, ни даже личную уверенность в своем таланте».

Конечно же, Потехин причислял себя к «школе Островского», считая себя его учеником. Когда его пьеса из крестьянского быта «Суд людской – не Божий», которую он написал по подсказке Островского, была опубликована осенью 1853 года в журнале «Москвитянин» и с большим успехом поставлена в Петербурге, начинающий тогда драматург писал Александру Николаевичу: «Общество Ваше лучшая для меня школа: я чувствую, как взгляд мой на великое дело искусства развивается...»

В этом же письме А.А.Потехин называет великого русского драматурга «образцом и страшным судьей». Сближало их и то, что Алексей Антипович родился в Кинешме, где часто по долгу службы и проездом в свое имение Щельково бывал А.Н.Островский.

В своих «мужицких драмах»: «Суд людской – не Божий» (1854), «Шуба овечья – душа человечья» (1854), «Чужое добро впрок нейдет» (1855), а также романе «Крестьянка» (1853) – Потехин решал нравственные проблемы, противопоставлял городской цивилизации крестьянский мир. Писатель поэтизировал патриархальный уклад, для этого обильно вводил фольклорные и этнографические мотивы.

Историк литературы Федор Батюшков, обозревая творчество Потехина, писал: «...в наше время тревожного решения проблемы морали, исканий тех или иных форм и концепций, после испытанных разочарований и смутно мелькающих надежд, чтение такого автора действует как-то успокоительно».

По поводу премьеры пьесы Потехина «Суд людской – не Божий», с успехом прошедшей в 1854 году в Александринском театре, состоялся прием автора великим князем Константином Николаевичем.

Вот что писал об этом впоследствии сам Потехин: *«Воспоминание об этом вечере до сих пор наполняет меня чувством глубокой благодарности. Чтение продолжалось более трех часов и было выслушано с глубочайшим вниманием. По окончании его, меня осыпали похвалами и поощрениями и Великий князь, и Великая княгиня, и все это было так просто, так гуманно и искренне, что я ушел совершенно очарованный и счастливый... Великий князь тотчас же приказал написать от себя шефу жандармов с просьбой немедленно рассмотреть в цензуре мою пьесу...»*

С пьесы «Суд людской – не Божий» началась новая страница в творчестве писателя. Именно драматургия принесла ему известность и звание «первого драматурга-народника». Имя Потехина стало неразрывно связано с упрочением на сцене драмы из народной жизни и с цензурной борьбой за право русскому мужику появляться в правдивом виде перед зрителем на театральных подмостках и заявлять отсюда о своих радостях и горестях жизни, и заявлять притом чисто народным языком. В бытовых пьесах Потехина слышится собирательный голос той среды, в которой он вырос. У него нет ни идеализации, ни игрушечного «мужичка», ни мужичка вообще, что «смирением велик». Перед нами впечатления, непосредственно воспри-

нятые чуткой душой, и переданные с той любовью к быту, во всех его проявлениях, которая составляет отличительную, характерную черту писателя.

Другая характерная особенность Потехина – его язык: это не условная книжная речь, а чисто русский красивый и образный язык, простой и вместе с тем художественный, не сочиненный, а подсказанный самой жизнью; он выработался у него как-то сам собою, в постоянном общении с живыми источниками народного словесного творчества. И весь склад мысли, этим языком выражаемой, совершенно народный, бытовой, а не «городской». Оттого-то он и является несомненным мастером русского слова, свободно отдаваясь своему художническому чутью, которое никогда его не обманывало.

Апполон Григорьев совершенно верно определил то направление, в котором впоследствии окреп и развился талант Потехина. Именно народническое содержание почти всех позднейших романов и повестей нашего писателя, а также некоторых из его драм, взято из крестьянского быта.

В это время Островский уже успел занять выдающееся место в литературе своей первой комедией «Свои люди – сочтемся» (1850) и на сцене своими пьесами: «Бедная невеста» и «Не в свои сани не садись» (1852—1853 г.г.).

На сцене повеяло новым духом, появилась надежда на создание нового, самобытного, русского драматического репертуара, расцвели выдающиеся артистические силы Садовского, Никулиной, Шумского...

Вполне естественно, что и молодой талантливый писатель почувствовал влечение к театру и решился попробовать свои силы в драме. Пример Островского и собственный литературный вкус указали ему то направление, в котором следовало теперь работать для русской сцены, – направление бытовое.

Но в отношении Потехина понятие «школа Островского» весьма условно. Как бы не желая повторять Островского, драматург, в своих пьесах, делает героями крестьян. Но, несмотря на подчеркнутое «расподобление» с Островским, пьеса «Суд людской – не Божий» множеством нитей связана с пьесами Островского 50-х годов. При внимательном прочтении, это произведение оказывается своеобразным ответом Потехина на комедию «Не в свои сани не садись».

На страницах «Москвитянина» возникает некий диалог между Островским и Потехиным о «грехе», «воле» и неспособности людей патриархального склада к современной жизни. И пусть у Островского мы видим глухой уездный купеческий городок, а у Потехина – крестьянскую деревню и село на проезжей дороге; но и в том и в другом случаях усилия писателей направлены на раскрытие нравственного уклада этого мира, поиск той опоры, на которой каждый ощущает себя частицей общего.

Потехин ищет свой путь в драматургии. Для создания «мужицкой драмы» требуется особый материал: сказки, легенды, поверья, устные рассказы, песни, обряды. Необходим русский характер – дикий, необузданный и кроткий, смиренный. Именно на поверье о детях, проклятых родителями, распространенном в Костромской губернии под названием «Проклятое дите», «Проклятая дочь», строится первая драма Потехина «Суд людской – не Божий».

В народной драме обрядовые формы, песни становились средством раскрытия быта, среды и характера, принципом организации сюжетного действия. Без народной песни драматурги 1850-х годов не мыслили создания народной драмы. Пьесы Островского, Потехина, Писемского способствовали становлению национальной оперы.

В основу коллизии драмы «Суд людской – не Божий» положено событие, выходящее за рамки христианской и общественной (патриархальной) морали: молодые люди «слюбились» без родительского благословения. Потехин изобразил нарушение не только бытового запрета (хотя и это страшно, так как грех, совершенный до свадьбы, был ничем не смываем), но и Божьего закона.

Но обратимся к Островскому. Мир комедии Островского человечен и добр, все участники проявляют в критической ситуации лучшие стороны своей натуры. Потехина же словно не устраивает мера тех испытаний, через которые Островский проводит своих героев. Он все ситуации заостряет, драматизирует, он посылает своим героям искушения в «чистом», «библейском» варианте и требует от них аскетических нравственных идеалов доступных далеко не всем. В пьесе Потехина явно используется механизм притчи: грех – проклятие – наказание.

В первой же своей пьесе Потехин вывел на сцену крестьянский быт, с его характерными особенностями и подлинной народной речью. Это была драма в 4-х действиях «Суд людской – не Божий», написанная в 1853 году и поставленная весной 1854 года. Пьеса эта написана в несколько приподнятом и отчасти мелодраматическом тоне. Отец проклинает дочь за то, что она влюбилась в парня, и это проклятие потрясающим образом действует на ее рассудок. Все потрясены, отец во всем обвиняет теперь только себя и не знает, как вернуть сбежавшую из дома дочь. Вместе с ее женихом, старик идет на богомолье в Киев. На обратном пути на постоялом дворе он находит свою дочь в виде странницы, прощает ее и благословляет... Но девушка уже не хочет идти замуж за своего избранника. Она решила служить Богу и отцу и всю жизнь замаливать свой грех. Узнав о ее решении, жених ее также решает послужить царю и отечеству и идет в солдаты. В целом пьеса производит тяжелое впечатление. Но ее резкость объясняется желанием автора подчеркнуть тот факт, что в деревне живут такие же люди, как и в городе, так же способные тонко чувствовать и переживать.

Тогдашняя жестокость нравов не допускала этой мысли. Мужика в то время даже по имени не называли, а уничижительными кличками, не признавая в нем образа Божия.

«Мое горе – от души, да от сердца, – говорит в драме Потехина молодой парень проезжему барину, который издевается над крестьянской чувствительностью, – а по тебе – какое-де у мужика сердце, какое-де у него чувство»...

И барин побежден неожиданной для него развязкой пьесы: *«Трогательная история! – восклицает он, утирая слезы. – Именно наши крестьяне... удивительный народ!.. с душой!..»* Раньше он об этом очевидно не догадывался.

Почти одновременно с этой первой драмой Потехина из народного быта появился в «Москвитянине» его роман «Крестьянка». Здесь девушка крестьянского происхождения, воспитанная, как родная дочь, в семье доброго немца-управителя и получившая хорошее образование, влюбилась в молодого барина, который, однако, хотел только позабавиться с нею.

Подавленная и разочарованная, измученная клеветой, девушка возвращается к своим настоящим родителям. Они встречают ее недоверчиво, устанавливают над нею строгий надзор и даже сватают ее за неприятного ей человека. Жизнь в родной семье становится невыносимой. Единственным человеком, который ее понимает, становится ее брат Зосима. Зосима уже взрослый женатый мужик, которого все считают глуповатым и который, не находя в своей жизни никакой радости, пьет горькую. А потом с детской покорностью переносит брань жены и даже побои отца.

Этот человек, с самого начала несправедливо униженный, под влиянием сестры меняется. В нем пробуждаются светлые силы. Но девушка не может более оставаться в доме родителей, где чувствует себя совершенно чужой и уезжает, чтобы поступить на службу гувернанткой в помещичий дом.

Продолжением этого повествования о «крестьянке», где автор хотел показать взаимоотношения простого народа с жизнью других слоев общества, стала комедия «Брат и сестра», поставленная на сцене только через 12 лет после ее появления в печати под измененным названием: «Хоть шуба овечья, да душа человеческая». Здесь героиня пьесы все та же «Крестьянка» Аннушка – живет у помещицы в качестве гувернантки ее дочери и терпит всевозможные унижения за стремление отстоять свое человеческое достоинство: хозяйка, у которой она забрала

вперед деньги, чтобы выкупить своего брата Зосиму, хочет ее насильно выдать замуж за глупого и пьющего чиновника.

Один из постоянных гостей в доме, грязный волокита, не дает прохода несчастной девушке, прислуга за нею шпионит и доносит барыне и т. д. И только один молодой помещик, искренне полюбивший Аннушку, выступает постоянным ее защитником. Он, в конце концов, решается предложить ей руку. Пьеса заканчивается словами Зосимы: *«Господи! Кабы побольше было эких людей на белом свете! Вот барин, так барин!»*

Таким образом, первые повествовательные и драматические произведения Потехина из народного быта, в которых автор обнаружил не только знание народной жизни, но и теплое, вдумчивое к ней отношение, проникнуты были желанием пробудить в читателе доброе чувство к народной массе, униженной и бесправной, указать на светлые стороны, заслуживающие внимания и поддержки. Молодой писатель явился в своих произведениях не простым наблюдателем, а несколько тенденциозным изобразителем народного быта. С другой стороны, следуя общераспространенному в то время вкусу публики, которая от повествователей требовала прежде всего «романа», т.е. изображения непременно любовных приключений и вызываемых ими происшествий, Потехин должен был и для своих повестей из народной жизни придумывать «романтическое» содержание, а это, конечно, вело к известной доле преувеличения сентиментального элемента.

Этим объясняются такие стороны ранних произведений Потехина, которые читателю нашего времени представляются недостатками, хотя в свое время далеко не казались такими: в то время литература еще не отучилась от некой придуманности, приподнятости тона, искусственности.

Вслед за первой пьесой в 1855 году появляется вторая – «Чужое добро впрок не идет». Она также ставится в Петербурге в Александринском театре и получает еще большее одобрение зрителей.

Письма из провинции. Переписка А. А. Потехина и М. П. Погодина

М. П. Погодин

На становление мировоззрения Потехина в пору московской жизни большое влияние оказал редактор «Москвитянина» М. П. Погодин. Много лет спустя он напишет о том, какую роль в его судьбе сыграл «друг Пушкина и Гоголя». Этот факт наставничества Погодина находит отражение в переписке его и Потехина.

Письма А. Потехина, адресованные М. Погодину, богаты и разнообразны по содержанию. В них открываются малоизвестные страницы его жизни, прослеживается путь становления писателя, поиски своей темы, героев. Обнаруживается возникновение замыслов повестей, романов, драм и окончательное их воплощение, перипетии цензурной судьбы его произведений.

Письма эти помогают понять своеобразие мирозерцания писателя, особенности его таланта. Из писем видно то характерное, что относится к творческой индивидуальности Потехина, а также и то, что определяет лицо целого литературного поколения «пятидесятников» (выражение П. Боборыкина). В отечественную словесность они принесли свой взгляд на мир, убеждение в том, что нужно глубже узнать русскую землю, русский народ, они явились зачинателями «народного реализма», создали новые жанровые формы: повесть из народного быта, крестьянский роман, «мужицкую драму».

Предположительно, что знакомство А. А. Потехина и редактора «Москвитянина» М. П. Погодина состоялось в 1852 году. Переписка же их завязалась с конца 1852 года, когда М. Погодин приветствовал появление в «Москвитянине» произведения А. Потехина под названием «Глава из романа».

Содержание писем показывает, какую роль сыграл Погодин в писательской и человеческой судьбе Потехина. Тон писем обнаруживает благоговейное отношение Потехина к Погодину. Это отношение ученика к учителю, определявшееся, по признанию самого Потехина, тем, что Погодин был другом Пушкина и Гоголя.

Милостивый государь,
Михаил Петрович!

Искренне благодарю Вас, во-первых: за присланные деньги, во-вторых, за доставленную корректуру моего Питайца. Признаюсь, предыдущее письмо Ваше, где Вы уведомляете, что эта повесть моя не пропущена цензурой, очень меня огорчило. Сделайте милость, Михаил Пет-

рович, защитите мое бедное произведение от незаслуженного им изгнания из русской литературы.

В самом деле, в нем нет ни одной цели, ни одной мысли, ни одного слова, которые были бы цензурны: вся цель моя – сказать доброе слово о нашем добром крестьянине, все желание – защитить его от многих ложных на него взглядов, показать его так, как он есть, не щадя дурных сторон, не скрывая хороших. Ни одной социальной или утопической мысли, ни одного философски – надуманного обличающего большие претензии, нежели сочувствие или знание вопроса – вы не найдете в ней. Я не знаю, имеет ли достоинства мой рассказ, знаю только, что он написан с доброй благородной целью, а доброе намерение никогда не имеет вредных последствий. За что же восстала на мою повесть цензура? Впрочем, я надеюсь теперь, что она и смилуется.

Оба мои рассказа из крестьянского быта я отдал в редакцию «Москвитянина» без всяких условий именно потому, что они возбудили общие похвалы всех Ваших сотрудников. Я и теперь не хочу назначать этих условий, но надеюсь, что Вы достойно вознаградите мои произведения, которые понравились Вам самим, как Вы мне писали. Со своей стороны, в таком случае, я объявляю себя Вашим постоянным и усердным сотрудником. Недели через две я непременно пришлю к Вам первую часть своего нового романа, который от многих заслужил здесь очень лестные отзывы.

Иванов посылает свою новую повесть вместе с корректурой моего Питальца. Ради Бога, и ради искусства, глубокоуважаемый Михаил Петрович, переведите этого молодого и талантливого человека в Москву: вырвите его из Костромской глуши, которая начинает и меня уже тяготить. Иванов был некогда учителем уездного училища и теперь с большою пользою мог бы занять это место, он отличный педагог (по предмету русского языка). Если бы Вы поставили ему место учителя в Москве, он вечно был бы благодарен Вам и, надеюсь, не мало принес бы пользы «Москвитянину» своими постоянными трудами. Если успеет, то теперь же, а в противном случае в скором времени, он пришлет к Вам свое рассуждение о преподавании русского языка. Если найдете удобным, потрудитесь напечатать, а не то оно будет служить некоторою рекомендациею его перед Вами.

Мне очень интересно было бы знать: на сколько увеличилась в нынешнем году подписка на «Москвитянина» собственно из Костромской губернии. Я много хлопотал об этом и, кажется, не безуспешно. При случае потрудитесь уведомить, потому что я начинаю интересоваться всем, что касается до «Москвитянина». И желаю ему всякого добра и блага.

Пронеслись было радостные слухи, что в «Москвитянине» нынешнего года будет печататься несколько глав Гоголя, но слухи эти к несчастью замолкли.

Сделайте милость, прикажите поддержать еще раз корректуру Питальца: опасаясь, что при постепенном просмотре могли вкратись какие-нибудь ошибки. Страницы 92, 93 и 94 перепутаны; в корректуре я это заметил, но как бы не упустили из виду. Имя Афиногена я заменил Сергеем, но может быть, в иных местах где-нибудь пропустил и оставил старое. Надеюсь, что вторая корректура все это поправит.

С чувством искреннего уважения и глубочайшей преданности честь имею быть Ваш, Милостивый Государь, покорный слуга А. Потехин. 10 февраля 1853г. Кострома.

В настоящее время я пишу новую повесть из крестьянского быта, которой заглавие будет «Ученье – свет, неученье – тьма». Две трети этого произведения уже написаны, оставшуюся надеюсь окончить с Божью помощью в скором времени.

Эта повесть моя, по мнению читавших ее, нисколько не уступает двум предыдущим; и мне приятно обещать ее «Москвитянину». Между тем меня очень интересует судьба моего Питальца, который во истину, хотя и по ошибке, назван в «Москвитянине» Скитальцем.

Никто из сотрудников не потрудился уведомить меня о его судьбе. Читал ли его Владимир Иванович или нет и что сказал о нем? Если он пропущен, то, вероятно, будет напечатан, по Вашему сообщению, в 9-й книжке «Москвитянина». В таком случае прошу Вас покорнейше приказать отпечатать для меня около 25 (а если нельзя, то и меньше) отдельных оттисков. Если же Питалец не пропущен, то пустите, пожалуйста, в 9-й книжке Козонка. Я надеюсь, что вы исполните мою покорнейшую просьбу и тем воодушевите меня к новым трудам.

Роман мой я до времени оставил и теперь исключительно занимаюсь новою повестью: мне хочется, чтобы она понравилась Вам и Вашим сотрудникам.

Ради Бога уведомьте меня о Питальце, а также о том, есть ли Иванову какая-нибудь надежда получить место учителя.

А. Потехин.

21 апреля 1853 г. Кострома.

(...) Но в то же время я такой бедняк, что вся моя надежда в отношении поддержки существования, возлагается на одну литературу. Я участвую в «Москвитянине», потому что направление его нравится, но крайняя необходимость может заставить меня обратиться к другому журналу, тем более, что я уже на слуху.

Скажу еще больше: я послал свой роман в «Москвитянин» только потому, что уважаю этот журнал, что схожусь с ним в направлении, наконец, потому что считаю себя Вам обязанным. По этим же самым причинам я решаюсь взять с «Москвитянина» меньше, нежели сколько дал бы мне другой журнал: я прошу у Вас 40 р. сер., тогда как «Отеч. Зап.» и «Современник» дали бы мне 60 и больше за лист, ибо от последнего журнала я имел уже неоднократные приглашения и в последнее время через Писемского.

Итак, Михаил Петрович, я уверен, что Вам мои условия не покажутся значительными, потому что все считают их очень ограниченными. В настоящее время мне крайне нужно приехать в Москву, чтобы хлопотать о постановке на сцене двух драм, которые я написал и которые принадлежат «Москвитянину», если только он меня не отвергнет. Одну из этих драм, по моему, худшую, я посылаю сегодня и брату Николаю, которому и позвольте прочесть ее себе. Он слышал в моем чтении три первых действия, а, следовательно, может легче уяснить характер действующих лиц драмы.

Знаю, что в этом произведении много недостатков, уверен, что строгий суд откроет еще больше, нежели нахожу я сам, но знаю и то, что кому ни читал его – все приходили в восторг; не увлекаясь крайностями, выбирая середину, успокаиваюсь на мысли, что произведение не дурное.

Вторая драма из крестьянского быта, по моему собственному убеждению гораздо лучше первой. Мне очень хочется в течение нынешнего сезона направить на сцену хоть одну из них, но для этого мне необходимо приехать в Москву.

Ради Бога, избавьте меня от нового займа и пришлите мне денег: от 100 рублей серебром уже ничего не осталось, потому что я расплачиваюсь с долгами и должен был потратиться на переезд в Кострому по обстоятельствам, которые передам Вам, если угодно, при личном свидании, а теперь отвечу на вопрос об Иванове. Он в страшном горе, что не пропущена его первая комедия «Голенький ох, а за голеньким Бог», он в страшной бедности, потому что не получил место; впрочем, ни горе, ни страшные лишения не помешали ему написать новую и, по моему мнению, хорошую комедию «Терпи казак – атаманом будешь», которую он должен прислать к Вам. Слава Богу, он отрешился совершенно от натуральной школы. Ради всего святого, ради любви к человеку и добру, помогите ему: дайте какое-нибудь место. Он умеет помнить добро и быть вечно благодарным.

Историей я непременно хочу заняться, по Вашему совету, а особенно теперь в свободное время. Да, многому, очень многому нужно мне учиться, слава Богу, что есть трудолюбие и сознание недостаточного развития. Внутренний голос беспрестанно твердит мне: вперед; вперед!

8 октября 1853 г.

Кинешма.

(...) В настоящее время я прислушиваюсь к тому, что говорят в деревне о войне, – и все больше и больше люблю русского человека. У меня есть несколько писем от солдат к своим родным в деревню: иные из них невольно выжимают слезы из глаз. Как Вам нравится, например, следующее место из письма, которое теперь в моих руках? Выписываю из слова в слово:

«О себе я Вас уведомляю, что я прибыл в Кронштадт благополучно и здоров, и стоим теперь в крепости и ожидаем себе с часу на час приготовленных Агличан, и наш булатный штык готов заменить веру, царя и свое любезное отечество и прикрыть Вас своею белой грудью безбоязненно будет поставлена против пуль, ядр и штыков вражеских и я с радостью готов пасть на поле брани, на полях чужой и дальней стороны, то паду любящим вашим сожителем и запекшие кровью уста мои произнесут имена и последний вздох вылетит из груди моей и полетит к вам и на мою милую родину, к милой моей сожительнице письмо, а не получишь по окончании войны нашего письма, то поминай за упокой Вашего милого супруга.

Писал Ревельского егерского полка 5-го резервного батальона, 14 роты рядовой Михайло Котов».

Что тут больше? Веры, надежды или любви? Или лучше: чего тут нет?

18 апреля 1854 г. Кинешма. А. Потехин.

(...) Я теперь живу в деревне настоящим схимником: ни с кем не знаком, ни к кому не езжу, меня посещают только родные да мужики, дружба с которыми у меня скрепляется час за часом.

Чем больше живу в деревне, тем ближе знакомлюсь с бытом и натурой крестьянина, тем больше люблю его, удивляюсь богатству его нравственных сил и убеждаюсь, как мало знают его и дурно понимают городские жители. Не забыть мне фразы одного цивилизованного дикаря в модном пальто, которого я встретил в Москве:

«Жаль, что вы тратите ваш талант на такой быт, из которого нечего черпать, – сказал он мне, – что вам за охота поэтизировать невежд, которых вся жизнь проходит среди коров, овец, лошадей, которые ничего не понимают и вряд ли умеют чувствовать по-человечески, потому что выражают любовь свою побоями». Вся душа моя перевернулась от этих слов (...).

Кстати, я познакомился здесь с одним однодворцем, который, по своим документам, прямой потомок князей Бельских. Этот однодворец жил до некоторого времени как простой мужичок, женат на дочери вольноотпущенной девушки, не умеет ни читать, ни писать, владение его всего девять десятин земли; человек он от природы добрый, честный, смирный, но не очень умный. Жил он просто, по-крестьянски, работал, пахал землю, не стыдился, вел хлеб – соль с мужиками; но вот ему растолковали, что он дворянин, что род его коренной дворянский, чуть ли не семисотлетний. Что же вышло? Востосковался однодворец о своей бедной доле, стыдится работать бок о бок с крестьянами, не занимается хозяйством, взвалил все на свою бедную жену: «Ты, дескать, такой крови, что тебе надобно работать, а моя кровь не такая»; шляется по помещикам, чтобы позаняться уму, рядиться каким-то шутком в платья, получен-

ные от щедрот помещиков, беспрестанно жалуется на свою бедность и на трудность работы, которою ему заниматься де не пристало.

А между тем дочь его, премилая и преумная девушка, влюбилась в крестьянина, славного, лихого парня, и вышла за него замуж; отец стыдится этого брака, несмотря на то, что зять и умнее и зажиточнее его, а семья зятя корит бедную женщину ее дворянством, с которым ее отец носит каждую минуту и живет бездомным, и требуют от нее двойной работы: что ты, дескать, брали тебя в дом не за твое дворянство, а пошла к нам в дом, так будь у нас работницей, а дворянство свое забудь.

Вот Вам роман – без глубокомысленных, философских задач, но с очень глубокомысленным заглавием: «Кто виноват?»

Надо еще прибавить одну черту: вся деревня и семья, в которую попала дочь однодворца, и семейство последнего – суровые и бестолковые старообрядцы.

4 июля 1854 г. Кинешма. А. Потехин.

Ваше превосходительство, Милостивый Государь, Михаил Петрович!

Я окончательно выбран и назначен в ополчение: с 30-го марта начинается моя служебная деятельность; и я обращаюсь к Вам, Михаил Петрович, с покорнейшей просьбой: ради Бога, ради всего святого пришлите мне для экипировки и пр. целковых 150. Может быть, мне нужно будет купить лошадь, да и жене оставить хоть что-нибудь... Ради Бога, Михаил Петрович, не медлите, а то мне придется среди русских ратников щеголять в кургузом фраке <...> Умоляю Вас: не подвергайте меня стыду недостатками и лишениям. Вторая часть романа у меня почти уже окончена. Я уверен, что вы исполните мою просьбу: поспешите высылкою денег.

С готовностью иду я в Ополчение, но боюсь, очень боюсь, что здоровье мое не вынесет трудностей военной службы. Нельзя ли, Михаил Петрович, хлопотать о должности в Московском министерстве; я был бы Вам навсегда благодарен. Я полагаю, что, если мне дадут место в этом министерстве, то можно будет перейти из Ополчения, теперь же, нигде не служащему, отказаться от общего дела не станет духу: совестно и стыдно. Если бы Вы, мой благодетель, потрудились только написать Головину о моем желании служить под начальством Его Высочества, сказали бы о слабости моего здоровья, которое не вынесет трудов военной службы, в которую я иду теперь, и прибавили бы, что после «Суда людского» я не сидел, сложа руки, и написал драму и роман, то мне кажется, я мог бы надеяться на получение должности под покровительством Великого князя. О роде должности я не забочусь: буду доволен всякой, какую укажут, если бы мне приложить к делу свои способности и иметь средства к существованию. Сделайте для меня это доброе дело...

*30 марта 1855. А. А. Потехин.
Кинешма.*

А. А. Потехин

Ваше Превосходительство, Милостивый государь, Михаил Петрович!

Давно я уже не беседовал с Вами, давно не получал от Вас ни какой весточки... Я уже подпоручик и адъютант Дружины №148. Дружина наша стоит в заштатном городке Костромской губернии Луху, бедном, скучном и грязном. Две церкви, три каменные, остальные деревянные дома, огромные огороды, где сажают лук – предмет главного или вернее – единственного промысла города. Вал неизвестно кем и для чего построенный, ибо им можно защитить только клочок реки, к которой он обращен своими боковыми отраслями, и весьма удобно бомбардировать город, над которым он возвышается, базар по понедельникам несколько оживляющий обычную тишину городской жизни, – вот Лух. Местность весьма дурная: низкая и болотистая, река Лух вся заросла камышом и осокой, весьма тиниста, и оттого, вероятно, рыба, в ней находящаяся, имеет дурной вкус и запах.

Предание говорит, и ему нельзя не верить, что некогда здесь были места непроходимые и необитаемые человеком, покрытые лесами дремучими или бездонными болотами, обиталище бесчисленного множества комаров и прочих гадов, пока не поселился здесь преподобный Тихон и своими молитвами, иссушив болота, удалил нечистых и вредных животных, дав место человеческим жилищам. Этот угодник основал в пяти верстах от Луха монастырь, где почивают под спудом и его мощи. Рассказывают, что св. Тихон был слугою князя Бельского, который имел за несколько верст отсюда усадьбу и жил в ней, находясь под опалю у Иоанна Грозного... Убедившись в святости слуги своего, князь отпустил его на волю, и теперь св. Тихон жил как покровитель всего здешнего края.

Вот все, что я могу рассказать о месте своего пребывания. Что же сказать о нашей дружине, о ее ратниках? И здесь, как везде, русский дух, русское сердце.

Вот, например, приводят в приемную назначенного в ратники, лекарь осматривает новобранца, тот жалуется, что он не здоров, лекарь посмотрел – находит, что болезни никакой нет, раздается: годеи! И ратник, который за минуту как будто желал уклониться от службы, идет, крестится и говорит: «Слава тебе Господи, что изгодился».

Этот пример не единичный. О том нечего и говорить; как часто брат бездетный просит себя поставить за брата, обремененного семьей, отец идет за сына и сын за отца.

По должности адъютанта я должен управлять дружинной канцелярией; в писцах недостаток, отыскиваю из ратников, умеющих писать, к моему счастью нахожу двоих, которые служили частными писарями у станового пристава, объявляю им, что они поступят в дружинную канцелярию.

К удивлению моему оба начинают всеми средствами уклоняться от писарской должности, уверяют, что дурно пишут и что страдают глазной болезнью. Я долго не мог понять этого упорства: оказывается что же? Мы пошли в службу охотой за общество (они из мещан); не взяли

никакого вознаграждения, говорят они: мы хотели служить царю, идти на супостата, а писать-то нам в становой квартире надоело.

Но что меня более всего удивляло в настоящем наборе – это совершенное отсутствие слез и привыканий: я не слышал их нынче: ни ратники не плакали, расставаясь с семьей своей, ни семья не плакала, расставаясь с ратниками.

И надо посмотреть своими собственными глазами, чтобы вполне убедиться, как беззаботно веселы ратники и с какой готовностью учатся военному делу. Я говорю без всякого преувеличения, но, только видевши, можно поверить и оценить слова мои.

29 апреля 1855 г. А. Потехин

Петербургский период жизни и творчества А. А. Потехина

Большая часть комедий и сцен А. А. Потехина печаталась на страницах некрасовских журналов «Современник» и «Отечественные записки» («Новейший оракул» 1859г. №10; «Закулисные тайны» 1861г. №3; «Вечеринка у бедной родственницы» 1863г. №9; «Отрезанный ломоть» 1865г. №10; «Рыцари нашего времени» 1869г. №2; на сцене Александринского театра шла под названием «В мутной воде»; «Вакантное место» 1869г. №11). Почти все комедии долгие годы не позволялись к постановке на сцене.

В пьесах «Мишура» (1858), «Отрезанный ломоть» (1865) и др. под влиянием общественного подъема 60-х годов, А. Потехин обличал крепостников, чиновников, решал проблемы «отцов и детей», ратовал за свободу женщин. В одной из самых удачных комедий «Вакантное место» (1859) А. Потехин высмеивал сановный либерализм, использование новых идей для защиты старых порядков.

Помимо этих произведений Потехиным в других журналах был напечатан ряд повестей и романов. Среди них «Бедные дворяне» – лучший его роман, изображающий старинную помещичью семью с ее приживальщиками и шутами. А также – «Крушинский», повесть «Бурмистр» и др.

Третий период творчества писателя (1875—1885 годы). В произведениях этой поры продолжено художественное исследование русского народа, крестьянства, русской деревни. Как и в первый период своего творчества, он пристально изучает жизнь русской провинции – Кинешмы, Вичуги. Почти все персонажи его повестей, очерков и романов, их сложные трагические судьбы взяты из жизни.

В это время проявляется интерес писателя к маленькому человеку (очерки «Крестьянские дети»). Потехин показывает, как земледельческий труд придает детям силу, уверенность в себе, помогает преодолевать трудности и лишения сиротства, закаляет и облагораживает душу и сердце.

Наибольший интерес для исследователей представляют последние по времени написания романы: «Около денег» и «Молодые побеги». В них отображено становление капитализма в текстильном крае, показано положение рабочих, которые еще не окончательно разорвали связь с землей, с крестьянским хозяйством.

Во второй половине 70-х годов А. А. Потехин опубликовал свои произведения в «Вестнике Европы». В «Вестнике Европы» Потехин дебютировал повестью – «Хай-девка» (1875), затем издал повести «Хворая» (1876), «На миру» (1878—1879), «Деревенские мироеды» (1880) и роман «Около денег» (1876). Повесть «Крестьянские дети» с рисунками Н. Карзина выходили несколько раз: в 1881, 1885 и 1890 годах.

Заявляя себя в литературе одним из первых и выдающихся беллетристов-бытописателей, А. А. Потехин с самого начала своей литературной деятельности обнаружил особое тяготение и любовь к драматическому творчеству и сцене, которой он и отдался всецело, начиная с 1880 года.

Плодовитость Потехина в области драматургии удивительна. Им написан целый ряд пьес. Но постановка их на сцене почти всегда сопровождалась крупными недоразумениями с цензурой. Трудно найти другого русского драматурга, который бы так много претерпел в этом отношении. Цензурные незадачи Потехина были введены его современниками в поговорку. Пьесы его находились под запретом годами, а иногда и десятилетиями. Перечитывая их теперь трудно понять, чем они вызвали такие гонения. Иные его пьесы подвергались урезкам и изменениям. Причиной такого положения дел во многом являлась присущая творчеству Потехина обличительная тенденция. Он был действительно злободневный писатель, чутко откликавшийся на всякую неправду окружающей жизни, стремясь разоблачить и искоренить ее. Для наших

дней разоблачения писателя кажутся невинными. Но в свое время они производили эффект достаточный, что и препятствовало их выходу на сцену.

Успех А. А. Потехина как выдающегося драматурга был оценен и привел его к тому, что еще в самом начале 80-х годов ему был предложен трудный и ответственный пост заведующего репертуарной частью столичных Императорских театров. На этой должности он состоял несколько лет и успел в значительной мере освежить репертуар казенной сцены, упорядочить сценические постановки. Как театральный деятель Потехин содействовал проведению в жизнь полезных начинаний: обновил труппу Александринского театра; пригласил из провинции 27 актеров (Мичурина, Долматова, М. Писарева, В. Свободина, В. Давыдов и др.), в Малый театр был приглашен Сумбатов. Следил Потехин за пополнением репертуара классикой – произведениями Пушкина («Борис Годунов»), Лермонтова («Маскарад»), Шекспира, Шиллера, Мольера. При содействии Потехина была поставлена «Власть тьмы» Л. Толстого. В дореволюционной театральной России было расхожим и устойчивым мнение, что Потехин вслед за Островским явился реформатором и создателем русского национального театра: он – автор многих популярных в то время пьес, с начала 80-х годов возглавлял репертуарную часть драматических трупп в Петербурге и Москве, с 1897 года был председателем Русского театрального общества.

Позднее Потехин возглавил общество помощи сценическим деятелям. Этой работе он посвятил более десяти лет. Благодаря его настойчивости было открыто общежитие для престарелых артистов, а само общество разрослось и преобразовалось в Императорское Театральное Общество. В дальнейшем А. А. Потехин был председателем Театрально-Литературного Комитета при дирекции Императорских театров.

В 1873—1874 г.г. вышло собрание сочинений в 7 томах. Полное собрание сочинений А.А.Потехина издавалось в 1903—1905 г. в Санкт-Петербурге в 12 томах. Многие произведения Потехина издавались отдельно для народного чтения в специальных изданиях, например, Комитета Грамотности были изданы избранные произведения писателя. В советское время в г. Иваново дважды издавались романы «Около денег» и «Молодые побеги» (1938, 1960). В 1984 году в сборнике трудов Московского государственного университета были напечатаны пьесы «Суд людской – не Божий» и «Мишура».

Талант Потехина отмечали такие маститые писатели, как Григорович, Писемский, Лесков, Тургенев, Некрасов, Островский. Свидетельством большого интереса современников к личности и творчеству Потехина является и тот факт, что его портрет создал выдающийся русский художник Н. Н. Ге. Это полотно хранится в Государственной Третьяковской галерее. В свою очередь Илья Ефимович Репин признавался в письме к Потехину: «Глубокоуважаемый Алексей Антипович... Сколько раз вы производили на меня потрясающее впечатление Вашими творениями со сцены! Они проходили для меня не бесследно».

Театральная и общественная деятельность А. А. Потехина. Конфликт с Островским

Именно известность Алексея Антиповича, как знатока русской сцены, упроченная с годами, привела к тому, что в 1882 году он был назначен управляющим драматическими труппами Александринского и Малого театров, чему много содействовал А. Н. Островский.

В то время на императорской сцене господствовали весьма своеобразные обычаи. По свидетельству современников, талантливые русские артисты должны были петь и «кривляться» в развлекательных представлениях, вроде «Мадам Анго», «Прекрасная Елена», «Чайный цветок»... Получали артисты так называемые «разовые», то есть вознаграждение по спектаклям. Кроме того, артисты выходили на вызовы и кланялись публике, а в режиссерском журнале все отмечалось: кого сколько раз вызывали, в соответствии с чем делались прибавки к жалованию.

Поэтому иметь как можно больше ролей, добиться большего числа вызовов – для каждого артиста являлось делом первостепенным. С другой стороны, количество «нахватанных» ролей приводило к тому, что учили их плохо, а чтобы иметь больше вызовов публики, «выкидывали кренделя». Декорации ограничивались традиционными диванчиками или двумя готическими креслами со стороны сцены.

Таковым предстало перед Потехиным состояние «образцового» императорского театра. Заступив на место управляющего, он круто повернул направление русской сцены в сторону жизненности, художественности и литературности. При Потехине на сцене Александринского театра стали появляться произведения новых авторов. Были у Потехина и чистые радости, когда выдастся удачное представление новой пьесы, которую он провел через все мытарства и поставил наконец. Не избалованный лестью окружающих, он был чуток к похвале.

«Маскарад» Лермонтова

В бытность Алексея Антиповича управляющим труппами, репертуар пополнился произведениями Пушкина, Лермонтова, Толстого, Шекспира, Шиллера, Мольера. И, конечно же, Алексей Антипович не забывал Островского, осознавая непреходящее значение его произведений для русского театра.

«Шесть пьес твоих я уже возобновил на петербургской сцене», – извещал он Александра Николаевича 1 ноября 1882 года.

Будучи управляющим, Потехин вместе с Островским работал над реформой казенных театров, помогал ее претворению в жизнь. После того, как Алексей Антипович сложил с себя высокие обязанности, опять же вместе с Островским, он принял участие в учреждении Обще-

ства вспомоществования сценическим деятелям (ныне – Союз театральных деятелей России) и десять лет являлся его председателем.

Вот выписка из послужного списка А. А. Потехина: беллетрист, драматург, с 1881 г. – начальник репертуарной части Императорских театров, 1882—1890 г.г. – управляющий труппой Александринского театра, с 1886 г. – начальник репертуарной частью петербургских Императорских театров.

Мы видим, что по иронии судьбы ученик и почитатель таланта Островского становится как бы его начальником, ведь именно А. Потехин утверждает теперь репертуар Императорских театров, решает кадровые вопросы, а так же устанавливает содержание актеров.

А. Н. Островский

Из письма А. Н. Островского А. А. Потехину (Щельково, 23 июля 1882 г.), мы видим, как Островский настойчиво рекомендует свой кадровый состав актеров и размер их жалованья:

«Любезнейший друг Алексей Антипович, вчера я получил от Ивана Александровича известие, что переговоры с московскими артистами поручены тебе. Сделай милость, помни то, о чем я хлопотал всю прошлую зиму! Я прошу тебя во имя справедливости исполнить просьбу, с которой я обратился к директору, т.е. назначить жалованье Никулиной 9000, Садовскому 6000, Садовской 5000 р. и принять Васильева-Запольского. Теперь я тороплюсь и пишу коротко, скоро ты получишь от меня пространное письмо о том же.

Искренне любящий тебя

А. Островский».

Театр отнимал у А. Потехина очень много сил и времени, причем зачастую возникали ситуации, требующие выбора – совесть, справедливость, разум или чувство долга и верность традициям.

Вот выдержка из Записки Островского (1884):

«Потехин позволяет себе учить на репетициях – кого же? – Стрепетову! Да еще покрывает на нее».

Ученик выходит из повиновения учителя, что начинает раздражать Островского. Вероятно, между ними происходит разрыв. Об этом свидетельствует довольно жесткое письмо Островского Потехину (апрель 1885), где Островский обвиняет адресата в профессиональной непригодности:

«Любезный друг Алексей Антипович. И меня прости, что я причиняю тебе письмами огорчения и разочарования; не я того хотел, я весьма неохотно возобновил и так же неохотно продолжаю переписку, зная наперед, что из этого никаких (практических) дельных результатов не выйдет, а останется только одно мозолие, как говорили в старину. Я должен отвечать тебе и на второе письмо; иначе я могу ввести тебя в заблуждение; ты (можешь), пожалуй подумаешь, что письмо твое было убедительно и что перед твоими доводами я принужден был замолчать. А писать мне вдвойне (горько) неприятно; приходится и свои раны растравлять и тебе говорить горькие истины; да и затруднительна для меня переписка с тобой: мы стоим на разных ступенях понимания изящного вообще и сценического искусства в особенности, вследствие ли твоего упрямства, или уж я не знаю чего; я должен объяснить тебе такие положения, которые объяснения не требуют, и доказывать такие истины, которые уж стали аксиомами.

Ты пишешь, что ты привык уважать людей, достойных уважения, но мыслить и действовать всегда позволяешь себе независимо и самостоятельно. И прекрасно, на твою самостоятельность действий никто и не посягал; сделай милость, действуй самостоятельно. Но не в том дело!

Ты выступил на служение русскому искусству и обществу в должности очень ответственной, требующей твердых, определенных теоретических знаний – и, главное, знаний опытных, знания тех поистине мудрых артистических приемов, какими просвещенные (патриоты) деятели, подметившие редкую способность лицедейства в русском народе, – открывали эту способность, воспитывали ее и потом постоянным наблюдением и руководством уже на сцене развивали и доводили эту способность в артисте до возможной степени совершенства и создали в Москве небывалую в мире труппу; при таких серьезных требованиях (заявлять) вместо откровенного признания в своей несостоятельности, в своем бессилии удовлетворить им, заявлять о том, что ты привык независимо и самостоятельно думать, – небольшая заслуга, а хвататься тут нечем.

В деле науки и искусства, где есть непреложные основы, где есть последовательное преемство добытых истин, составляющих постепенные завоевания ума человеческого, игнорировать основы и всю сумму приобретений, добытых исследованием и опытом, и доходить до всего собственным умом – есть самодурство, которое и в домашней – то жизни неприглядно, а уж в публичном служении никуда не годится.

Возьмем астрономию: уж на что самостоятельнее и независимее думать, что не земля вертится вокруг солнца, а солнце кругом земли и что земля стоит на трех китах. Да только эту думу надо думать про себя и держать для домашнего употребления; а ни на кафедру, ни на обсерваторию лазить с ней не следует.

Ты, может быть, скажешь, что это сравнение преувеличено? Нисколько. Разве твоя несчастная заветная мысль, что неумелые и неуклюжие любители лучше актеров, не те же киты? Если только хорошенько проникнуться этой мыслью, то вот и довольно, чтобы погубить самый лучший театр с отличными актерами и ансамблем. И откуда попала к тебе эта несчастная мысль, какими неведомыми умственными махинациями могло сложиться в твоей голове такое убеждение?

Ты пишешь, что действуешь по внушениям «совести и сознанный долг». При чем тут совесть? Чего нет в сознании, того нет и на совести; если ты не сознаешь вреда, который ты причиняешь своими действиями, так тебя и совесть не тревожит. А вред-то между тем все-таки остается, и никому от того не легче, что твоя совесть покойна. Что же касается сознания долга, я могу сказать, что степени сознания у разных людей различны. По-моему, чем ответственнее, важнее должность, за которую берешься, тем требования долга должны быть строже. В управление сценическим искусством в двух (главных) столичных императорских театрах, которые должны служить образцами для всех театров России, ты вступил совершенно неподготовленный, не зная этого искусства ни теоретически, ни практически, потому что нельзя же

считать за практику постановку нескольких своих пьес. Для того, чтобы хорошо изображать жизнь, надо ее видеть и слышать. Ни близорукий, ни глухой или человек с фальшивым слухом не могут быть актерами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.